

Лев Гумилев

Бремя таланта

Дмитрий Михайлович Балашов принадлежит к тому явному и растущему количественно меньшинству наших соотечественников, которые относятся к истории своего народа небезразлично. Интерес к истории — не всеобщий удел. И все же в том, что люди неодинаково относятся к историческому и культурному наследию, доставшемуся им от предков, нет ничего удивительного. Мы живем в изменяющемся мире, и эти изменения, происходящие не только вовне, но и внутри нас, влияют на наше поведение, хотя осознается такое влияние далеко не всегда. Поэтому в одно время люди изучают свое историческое прошлое без предубеждения, ценят и берегут его, а в другое время — прошлое отбрасывается, подобно ненужным осколкам, им пренебрегают и делают его объектом насмешек. За последние 150 лет у нас в России споров о ценности и значимости отечественной истории было более чем достаточно. И воинствующие нигилисты, видевшие в России лишь «нацию рабов», и ослепленные мифами славянофилы, говорящие о нации-избраннице, «народе-богоносце», были, наверное, одинаково далеки от истины. Главная проблема лежит в иной плоскости. Прежде чем ставить вопрос о холопстве или величии, нужно спросить себя и читателя: что есть сам народ, где корень отношения человека к тому, что он называет историческим прошлым своего народа? Парадоксально, но ближе всех ученых XIX и даже XX в. оказался к ответу на этот вопрос А. С. Пушкин:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу.
Любовь к отеческим гробам.

Правда, мнение А. С. Пушкина противоречит всем позднейшим социологическим концепциям этноса, утвердившимся в этнографии в XX в. и видевшим в народе продукт исключительно производственных отношений, общественно-экономических формаций и классовой борьбы. Однако взгляд на природу народного объединения, высказанный А. С. Пушкиным, не исчез не только из литературы, но и из научной мысли. Развитие этнографии к концу XX в. логически привело к формированию в нашей науке несоциологического подхода к этносу (народу). Центром такого подхода, предложенного автором этих строк, как раз и является представление о том, что изначально в единый народ людей связывает не производство и потребление, не идеология и культура, а именно чувство, ощущение бессознательной, некорыстной симпатии к другому человеку — «своему». В дальнейшем такие объединения и создают новую этническую традицию, ощущаемую и любимую в потоке единой исторической судьбы народа. Но когда народ в исторических деяниях исчерпывает имеющуюся у него пассионарность, этническая традиция разрушается вместе с этносом, члены которого покидают систему и входят в новые, более молодые, формирующиеся этносы. Пассионарная теория этногенеза принадлежит к числу концепций дискретного исторического развития. Сама по себе идея разрывности истории не является новой: еще в I в. китайский историк Сыма Цянь сформулировал ее принцип: «Путь трех царств подобен кругу — конец и вновь начало». Разумеется, в реальной истории конец не всегда знаменует появление начала, но сути проблемы это не касается. Идея дискретности истории существует практически во всех крупных культурах — античной (Аристотель), китайской (уже упоминавшийся нами Сыма Цянь), мусульманской

(Ибн Хальдун), европейской (Дж.Б. Вико и Шпенглер). Она, как правило, не получала всеобщего признания у основной массы как ученых, так и обывателей, свято веривших, что «завтра будет лучше, чем вчера». Но сам факт постоянного возникновения подобных направлений в истории науки показывает, что дискретность исторического развития все же имеет место, хотя и не захватывает «социальных отношений».

Читатель предисловия вправе упрекнуть автора в отходе от темы и даже в саморекламе, но я не могу принять эти упреки, и вот почему. Все сказанное выше о дискретности исторического развития, о пассионарной теории этногенеза имеет к творчеству Дмитрия Михайловича Балашова самое непосредственное отношение: он был первым, и насколько мне известно, остается единственным русским писателем, исповедующим названную концепцию отечественной и мировой истории. В основе балашовского мироощущения лежит не логически рациональная, а именно названная А. С Пушкиным чувственная стихия любви к Отечеству. Свое краеугольное убеждение писатель прямо сформулировал в одном из романов устами суздальского князя Константина Васильевича: «Сила любви — вот то, что творит и создает Родину!» И потому я не побоюсь утверждать, что здесь творчество Д. М. Балашова, будучи сугубо индивидуальным по образу и языку, вплотную примыкает к пушкинской традиции. Не случайно отношение Д. М. Балашова к пушкинским произведениям не только благоговейно трепетно, но и лишено всякой декларативности: того же «Бориса Годунова» Дмитрий Михайлович помнит наизусть, легко и с удовольствием читает, начиная с любой строфы.

Необходимо, на мой взгляд, отметить и то, что историческая романистика Д. М. Балашова возникла как определенный итог его широкой творческой и общественной деятельности. Писать исторические романы Дмитрий Михайлович начал относительно поздно, будучи уже вполне сформировавшимся, взрослым человеком. Поэтому его писательский труд тесно переплетен с многообразным жизненным и житейским опытом. Понять творчество Д. М. Балашова вне контекста этого опыта — дело безнадежное, и потому я позволю себе остановиться на тех страницах биографии писателя, кои имели для его трудов, как принято сейчас говорить, «судьбоносное» значение.

Дмитрий Михайлович Балашов родился в 1927 г. в Ленинграде. Родители его — это люди вполне творческие и образованные на уровне своего времени: отец был актером ТЮЗа, мать — художником-декоратором. Подростком Д. М. Балашов пережил страшную зиму блокады 1941 — 1942 гг., которая отняла у него отца. Весной 1942 г. его среди многих эвакуируют из Ленинграда в Кемеровскую область. Вернувшись в 1944 г. в Ленинград, Д. М. Балашов вскоре поступает на театроведческое отделение Театрального института, а затем работает в Вологодской культпросветшколе. В 1950 г. Дмитрий Михайлович возвращается в Ленинград и в течение семи долгих лет пробует свои силы в самых разных областях деятельности.

Резкий поворот в его судьбе происходит лишь в 1957 г., когда Дмитрий Михайлович становится аспирантом одного из ведущих научных центров литературоведения — Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР. Там он посещает семинары Отдела древнерусской литературы. Но, видимо, чисто академический стиль научного общения оказался тесноват для импульсивного, эмоционального и в лучшем смысле слова реалистичного балашовского характера. По собственному, более позднему признанию Дмитрия Михайловича, ему на этих семинарах «стало скучно». Заметивший это Дмитрий Сергеевич Лихачев посоветовал аспиранту посещать специальные семинары по фольклору, которые вела Анна Михайловна Астахова. Д. М. Балашов последовал совету и на долгие годы нашел себя. Фольклористика русского Севера увлекла его, открыла ему удивительный, неведомый горожанину поведенческий и культурный мир северной русской деревни. Не берусь утверждать точно, но мне кажется, что на европейском Севере трудно указать тот район, который не

посетил бы Дмитрий Михайлович со своими сотрудниками в ходе фольклорных экспедиций. В собирании северного русского фольклора проявили себя и отшлифовались лучшие человеческие качества Д. М. Балашова — трудолюбие, упорство в достижении целей, терпимость, умение верить людям и завоевывать людское доверие. Те, кому приходилось работать бок о бок с ним, рассказывали, что если Балашов узнавал, будто в дальней деревне есть кто-то, знающий старинные песни или бывальщины, то его не могли остановить ни расстояние, ни отсутствие денег и транспорта, ни дефицит времени. Успокаивался он лишь тогда, когда интересующий его фольклор был записан. Эти истовость в работе, безоглядность труда чрезвычайно свойственны Дмитрию Михайловичу, и позже они ярко проявились и в его художественном творчестве.

Но главное, что дала ему фольклорная работа, — это соединение всегда жившей в сердце любви к родной земле с глубокими знаниями специфики образа жизни русского крестьянина. Понимание Д. М. Балашовым истинной сути народных обрядов, приемов труда, отношения к родной природе поразительно. Он не просто обладает знанием деревенской жизни, а Наверное, нет такого элемента народной культуры, экологический и социальный смысл которого Д. М. Балашов не смог бы пояснить собеседнику полно и исчерпывающе. Но больше того. По отношению к фольклору, крестьянскому образу жизни Д. М. Балашов никогда не занимал только позицию этнографа-исследователя, рассматривающего «этнографический комплекс как раритет „старой культуры“, подлежащий фиксации и описанию в научных целях». Для него образ жизни русской северной деревни, сами стереотипы поведения русского крестьянина никогда не переставали быть незамутненным источником всей национальной русской культуры, стержнем, вокруг которого и развивалась, особенно в ранний период, сама история России. И в этом, на мой взгляд, как ни в чем другом, зримо проявилась мера таланта, отпущенного Богом Дмитрию Михайловичу. Ведь ничто, кроме таланта, не может дать человеку способность отказаться от предубеждений, господствующих в науке или свойственных «своей», замкнутой социальной группе. Д. М. Балашов отбросил сословные интеллигентские предрассудки — и весьма решительно. Приняв для себя экологический и социальный смысл крестьянского образа жизни, он сам как исследователь вошел в тот круг представлений, который позволил ему рассматривать фольклор в качестве элемента более общей системы жизнедеятельности русского крестьянина.

С этих позиций написал Дмитрий Михайлович и свою кандидатскую диссертацию «Древние русские народные баллады». С блеском защитив ее и закончив аспирантуру, Д. М. Балашов снова уезжает из Ленинграда, на сей раз в Петрозаводск. В течение семи лет, с 1961 по 1968 г., будущий писатель работает в Карельском филиале АН-СССР. Эти годы не прошли даром: вышли в свет книги Д. М. Балашова, явившиеся результатом многих экспедиций, долгих размышлений и упорного труда: «Русская свадьба» и «Песни Терского берега Белого моря». Кому довелось или доведется прочесть их, тот легко убедится, что написаны они полно и сильно, поскольку в основе их — любовь автора, к своему предмету и глубокие знания о нем. «Русская свадьба» и «Песни Терского берега Белого моря» принесли Д. М. Балашову заслуженную им славу знатока северного русского фольклора. Приглашения выступить приходили не только из разных городов страны, но и из-за рубежа. Позднее Д. М. Балашов прочитает лекции о фольклоре русской свадьбы перед весьма квалифицированными аудиториями в Федеративной Республике Германии, Монголии. Вместе с известностью пришло и относительное материальное благополучие.

Казалось, можно было успокоиться и всю оставшуюся жизнь пожинать плоды, пописывая рецензии да небольшие статьи и пользуясь уважением коллег. Примерам таких решений — несть числа, и кто осудил бы Дмитрия Михайловича, поступи он так? Но Д. М. Балашов поступил иначе. Он приходит к выводу, что просто понять крестьянскую жизнь — недостаточно, необходимо самому жить такой жизнью и собственным примером доказать его

правильность и превосходство над привычной светской жизнью горожан. Я уверен — в принятом тогда писателем решении не было и малой примеси интеллигентской позы, эстетского стремления к оригинальничанию «а-ля русс». Напротив, это было в высшей степени органично, ибо в обычае Дмитрия Михайловича стремление дойти до логического конца своих поступков, до той далекой прогнозируемой цели, на достижение которой и сил-то может не хватить. Так фольклор оказался ступенью, побудившей ученого перевернуть всю свою привычную жизнь и на бытовом, и на интеллектуальном уровне.

Поворот интеллектуальный был вызван пробудившимся в Дмитрие Михайловиче интересом к более общей, нефольклорной канве отечественной истории. Дело в том, что Д. М. Балашов не смог ограничиться чисто фольклорной проблематикой. Он настойчиво пытается найти ответ на вопрос: как и когда создавался особый мир поведения русского Севера? И поскольку в традиционной фольклористике удовлетворительного ответа обнаружить не удалось, Дмитрий Михайлович вплотную обращается к осмыслению русской истории XIII—XVII вв. Так детальное знание русского быта соединилось со знанием русской истории. И все же в превращении фольклориста Д. М. Балашова в исторического романиста, на мой взгляд, главной была не эта логика жизненных событий, а его человеческие качества.

Будучи делателем по природе своей, Д. М. Балашов и в очередной раз не смог просто удовлетвориться собственным знанием. Стремление талантливого человека поделиться своими мыслями с неведомым читателем, нарисовать для других, а не только для себя выверенную в деталях картину исторического бытия — вот, наверное, та движущая сила, которой мы обязаны появлением романов Дмитрия Михайловича.

Свое первое произведение «Господин Великий Новгород» Д. М. Балашов начал писать в 1966 г. Вскоре после этого в деревне Чеболакше он пишет и читает своей матери второй роман на ту же тему: «Марфа-посадница» (1972).

Уже в этих ранних вещах Д. М. Балашова явно обозначился талант исторического романиста. Не всякий рискнул бы начать свою литературную карьеру сразу с больших полотен, да еще посвященных такой запутанной и сложной проблеме, как противоборство Москвы и Новгорода в XIV—XV вв. Не всякий решился бы сегодня заставить героев своих произведений говорить на языке, близком к реальному разговорному языку XIV—XV вв. Не у всякого достало бы смелости в 70-е гг. открыто высказаться о благодетельной роли Русской Православной Церкви в истории России. Дмитрий Михайлович сделал все это, сделал сразу и без оглядки, так как всегда был чужд любым формам лжи, конъюнктуры и прямого приспособленчества. И еще одной гранью открылся его талант в романах, посвященных истории Вольного Новгорода. Писатель отнюдь не остановился на уровне логичного и правильного изложения событий. Хотя историческая канва его романов проработана им по-крестьянски основательно и твердо, Д. М. Балашов изначально стремится представить читателю свое видение смысла событий, их причинно-следственных связей. Такое стремление отличает его от других авторов, пишущих на аналогичные темы. К сожалению, куда как часто писатели в исторических романах пренебрегают осмыслением глобальной событийной канвы, предпочитая изложить ее по школьному учебнику. Взамен же читатель получает, как правило, массу любовных сюжетов, перемежаемых бытовыми подробностями. У Д. М. Балашова, напротив, индивидуальная психология и даже интимные сцены точно и плотно увязаны с событиями исторического ряда, составляют многообразный и многоцветный фон. Читатель практически не ощущает разрыва между личной жизнью героев и историческими событиями огромной значимости. Бытовые эксцессы органично вписаны в ткань повествования. Таковы сцены строительства Федором дома («Младший сын»), семейной жизни князя Юрия и Кончаки («Великий стол»), любовных интриг Никиты и боярыни Натальи («Ветер времени»).

Весь цикл этих романов, без сомнения, родился из того же стремления Д. М. Балашова осмыслить отечественную историю с точки зрения пассионарной теории этногенеза. Замысел целой серии под общим названием «Государи Московские» и представляет вниманию читателя настоящее издание.

«Государи Московские» — незаурядный пример в современной отечественной исторической романистике. Несмотря на то что цикл состоит из вполне самостоятельных — сюжетно и композиционно, крупных литературных произведений: «Младший сын» (1977), «Великий стол» (1980), «Бремя власти» (1982), «Симеон Гордый» (1984), «Ветер времени» (1988), «Отречение» (1990), все вместе они представляют собой целостное художественное полотно, охватывающее огромный и крайне значимый в отечественной истории промежуток времени — с 1263 г. (смерть кн. Александра Ярославича Невского) до середины XIV в. (создание Московской Руси и Великого княжества Литовского). И эта столетняя историческая картина со многими десятками подлинных и созданных воображением писателя лиц воссоздана Д. М. Балашовым ПОГОДНО. Сам Дмитрий Михайлович в послесловии к первому роману «Младший сын» следующим образом сформулировал свою концепцию исторической романистики: «В изложении событий, даже мелких, я старался держаться со всей строгостью документальной, летописной канвы, памятуя, что читатель наших дней прежде всего хочет знать, как это было в действительности, то есть требует от исторического романа абсолютной фактологической достоверности. Поэтому я разрешал себе лишь те дорисовки к летописному рассказу, которые позволительны в жанре художественного воспроизведения эпохи, например, в воссоздании второстепенных персонажей, людей из народа, живых картин тогдашней жизни, которые, однако, также строились мною по археологическим и этнографическим источникам». Следовательно, принятое писателем определение «роман-хроника» вполне правомерно, но, на мой взгляд, оно все же недостаточно полно. Дело в том, что, придерживаясь летописной фактологической канвы, Д. М. Балашов никогда (а в поздних романах — особенно) не принимает эту канву безусловно. В необходимых случаях (как-то — брак Даниила Александровича, причины плена митрополита Алексия и т.п.) летописные лакуны и политические умолчания дополняются Д. М. Балашовым весьма корректно проработанными и непротиворечивыми версиями. Здесь в романе-хронике появляются и черты исторического трактата, а переход от констатации к осмыслению событий должен быть поставлен в несомненную заслугу автору.

Пользуясь тем обстоятельством, что издательство «Художественная литература» выпускает цикл «Государи Московские» целиком, я не буду утомлять читателя пересказом содержания, ибо пересказ автора предисловия неизбежно вторичен и излишне субъективен. Отнимать же у читателя удовольствие самому проследить за сюжетами романов Д. М. Балашова — дело и вовсе неблагодарное. И потому я остановлюсь лишь на тех моментах исторического и художественного видения Д. М. Балашова, которые, как мне кажется, требуют дополнительного комментария.

Историографический цикл «Государи Московские» — это, несомненно, глубоко самобытное художественное произведение и по замыслу, и по исполнению. Во-первых, в его основе лежит оригинальная концепция исторического становления России, проистекающая из пассионарной теории этногенеза. Потому конец XIII и XIV вв. закономерно рассматриваются Д. М. Балашовым не как продолжение развития Киевской «украшно украшенной» Русской Земли, а как время ее окончательного крушения и одновременно создания при помощи этих обломков совершенно новой культуры и государственности — Московской Руси. Во-вторых, такой взгляд на русскую историю XIII—XIV вв. заставляет автора целиком переосмыслить и роль монголов, отказаться от самого предвзятого мифа в отечественной истории — мифа о «монголо-татарском

иге», о «России — спасительнице Западной Европы, заслонившей от диких орд цивилизованные страны». В-третьих, в основу изложения писателем положен строгий хронологический принцип. Отсутствие временных лакун в его рассказе придает масштабность историческому циклу, определяет его значительный объем. Мне кажется тем не менее, что автору нельзя поставить в упрек этой длинноте изложения, ибо иначе охватить события бурного и трагического столетия было бы просто невозможно.

И, наконец, в-четвертых, я хотел бы заметить, что «Государи Московские» выстроены автором, говоря научным языком, «системно». В самом деле, через все шесть романов цикла проходят несколько сюжетных линий. Они выбраны автором таким образом, чтобы создать не просто картину внутренней жизни русского народа в XIII—XIV вв., а увязать ее с широким фоном событий тогдашней мировой политики. В то же время в показе внутренней жизни Руси автор рисует многоцветную картину жизни самых разных сословий. Это и простые ратники (мелкие кормленники) — Михалко и его сын Федор Михалкич («Младший сын»), внук Михалки и сын Федора Мишук («Великий стол») и, наконец, сын Мишука и внук Федора — Никита («Симеон Гордый» и «Ветер времени»). В этом ряду видит Д. М. Балашов основу мощи будущей России, поскольку благодаря усилиям простых ратников, которые «сидят на земле» и защищают эту свою пожалованную князем землю, стоят и торговые города, и богословские споры, и великокняжеская власть. Простые мужики-крестьяне и накрепко связанные с ними мелкие «дворяни-послужильцы», у которых «всего и зная-то — что сабля да конь», составляют становой хребет будущего Русского государства.

Более высокое служилое сословие Руси — боярство — представлено в цикле «Государи Московские» своей сюжетной линией. С одной стороны, это «старые московские бояре» — Протасий Вельямин, его сын Василий Протасыч и внук Василий Васильич Вельяминов. Все они — держатели «тысяцкого», то есть верховного главнокомандования вооруженными силами Московского княжества. В борьбе за это «бремя власти» им противостоят «бояре — рязанские находники», перебежавшие к князю Даниле Александровичу от рязанского князя Константина Васильевича — Петр Босоволк и его сын Алексей Петрович Хвост-Босоволков. Точно так же в борьбе за «бремя власти» противостоят друг другу и две генеалогические княжеские линии. Московская линия — это князь Даниил Александрович, сын Александра Ярославича Невского («Младший сын»), сын Даниила—Юрий («Великий стол»), брат Юрия Московского — Иван Калита («Бремя власти»), сын Ивана—Симеон Гордый («Симеон Гордый») и, наконец, брат Симеона Иван Иванович Красный и его сын Дмитрий („Ветер времени“ и „Отречение“). Среди тверских князей на страницах цикла мы видим Святослава Ярославича и его сына Михаила Тверского, их потомков князей Дмитрия Грозные Очи, Александра Михайловича и Михаила Александровича. Прослеживает писатель и смену духовной власти на Руси. Занимающие митрополичий престол Кирилл, Максим, Петр, Феогност и Алексей, пожалуй, принадлежат к числу любимых и наиболее удачно воссозданных автором литературных образов, весьма близких к историческим прототипам по своему поведению.

Обоснованно много места занимает в «Государях Московских» проблема русско-татарских отношений. И здесь художественная заслуга Д. М. Балашова мне видится в том, что длинная череда ханов Золотой Орды изображена им отнюдь не как безликая масса тупеи и жадных нецивилизованных насильников, побудительные мотивы которых можно свести только к грабежу, потреблению и похоти. Верховные властители России — ханы Менгу-Тимур, Тохта, Узбек, Джанибек и даже отцеубийца Бердибек — изображены Д. М. Балашовым прежде всего как люди, обладающие своими достоинствами и недостатками, совершающие, наряду с русскими и литовцами, высокие подвиги и подлые преступления. Человеческое лицо имеют и все другие персонажи «Государей Московских», и эта-то запоминаемость помогает писателю

решить очень важную и сложную задачу: убедительно связать между собой все сюжетные линии цикла, воссоздать картину общей жизни формирующегося русского народа как единой этнической системы, где сословная разница лишь необходимое условие, форма разнообразия. В самом деле, простые ратники Федор, Мишук, Никита всей немудреной жизнью связаны каждый со «своим боярином» — тысяцким из московского рода Вельяминовых — Протасием, Василием Протасьичем или Василием Васильичем. Это чувство привязанности для «Федоровых» столь велико, что, когда Алексей Петрович Хвост-Босоволков отнимает «тысяцкое» у Вельяминовых, Никита Федоров, желая убить Хвоста из преданности Вельяминовым, уходит служить Хвосту. И на подозрения нового хозяина отвечает гордо: «А к тебе, Алексей Петрович, я не бабы ради и не тебя ради Пришел, а с того, что стал ты тысяцким на Москве, а мы, род наш, князьям московским исстари служим!»

Так же понимает свою службу и основатель рода Вельяминовых — Протасий («Великий стол»). Оскорбленный, ни за что униженный своим бессовестным князем Юрием Даниловичем, от несправедливостей которого бегут во враждебную Тверь его собственные братья. Протасий хранит верность московскому князю даже не ради него самого, а ради города Москвы, ради крестьян, горожан и ратников, которые ему одному верят и его одного любят из всех бояр московских.

Глубоко взаимосвязанным со всеми другими сословиями предстает и духовенство. Уходит в монахи Грикша, брат ратника Федора Михалкича, и становится келарем в Богоявленском монастыре Москвы. Сыновья обедневшего ростовского боярина посвящают себя церкви — это и подвижник Земли Русской преподобный Сергей, и его брат, духовник Великого князя Семена — Стефан. Митрополит Алексий, фактический глава Московского государства при малолетнем Дмитрии Ивановиче, происходит из московского боярского рода Бяконтов. Даже враждующие между собой после смерти Данилы Александровича московские и тверские князья связаны крепче, чем может показаться, долгой вереницей родства, местнических счетов, обид и военных столкновений. Недаром так много сил употребляет князь Семен Иванович, чтобы жениться на тверской княжне Марии, дабы положить конец вражде Москвы и Твери.

И все же самой сложной проблемой, которую затронул Д. М. Балашов в «Государях Московских», несомненно является проблема русско-золотоордынских отношений, вопрос о пресловутом «татарском иге». Пожалуй, ни один из многочисленных мифов отечественной истории не имеет таких глубоких корней в обыденном, народном сознании и научной мысли, как миф о «татарском иге». Принято думать, что поскольку в XII в. Киевская Русь была цветущим государством, а в конце XIII в. находилась в несомненном упадке, то виноваты в упадке монголы, поработившие Русь в ходе «Батыева завоевания» 1237—1238 гг. При этом, однако, начисто игнорируется самое главное — политическая ситуация, существовавшая вокруг Руси и Монгольского Улуса в XIII в. Вкратце изложу данную мной в свое время характеристику коллизии. В конце XII — начале XIII в. создавшееся монгольское государство находилось в состоянии непрерывных военных конфликтов с нежелавшими подчиняться власти Темуджина племенами. Одними из самых упорных врагов монголов были меркиты. Разбитые монгольским войском в 1216 г. на Иргизе, остатки непокорившихся меркитов откочевали к половцам. Половцы приняли их и стали, таким образом, врагами монголов. Борьба с половцами затянулась и была продолжена уже при преемнике Чингисхана — его сыне Угэдее, Еще в 1223 г. монголы, преследуя половцев, впервые соприкоснулись с русичами. Черниговские князья, находившиеся в союзе с половцами, присоединились к ним в противостоянии монголам. Монгольское посольство, прибывшее для объяснения монгольской позиции и согласное с русским нейтралитетом, было русскими князьями истреблено, причем в числе запятнавших себя убийством неприкосновенных дипломатов был и князь Черниговский и Козельский Мстислав.

Вот здесь-то и сыграла свою роль разница в стереотипах поведения между этнически молодыми монголами и представителями умирающей Русской Земли. В условиях славянской обскурации XIII в. убийство посла не считалось чем-то из ряда вон выходящим, ибо политическая практика была полна примеров, когда убивали не только чужих послов, но и своих собственных родственников. Иначе смотрели на подобные вещи монголы, считавшие обман доверившихся (т. е. предательство) худшим из грехов. У монголов XIII в., находившихся в этническом подъеме, получила распространение этика, предусматривавшая коллективную ответственность, в том числе и за предательство, ибо монголы рассматривали способность к предательству в качестве наследственной черты характера. Понятно, что в таких условиях столкновение не на жизнь, а на смерть стало неизбежным. Битва на Калке и уничтожение уже во время Батыева похода населения «злого города» Козельска, принадлежавшего Черниговскому княжеству, показали, что предательство — дело хотя и увлекательное, но не всегда безопасное. Поход Батыева не выпадал из общего контекста монгольских военных усилий, ибо имел целью выход в тыл половцам, откочевавшим после Калки в венгерскую пушту. Пройдя по Руси «изгоном», монголы оставляли гарнизоны, и таким образом дань платить было после Батыева похода просто некому. Из 300 русских городов Великого княжества Владимирского монголы захватили лишь 14, а целый ряд городов (Углич, Кострома, Тверь, Ростов и другие), приняв предложенный монголами компромисс, вообще избежали разрушения, связанного со взятием. Что же касается Киева, то этот город к тому времени был сильно ослаблен и разрушен, поскольку выдержал в начале XIII в. несколько осад и разорений от русских князей (1203 — Рюриком Ростиславичем Смоленским, 1235 — черниговскими князьями). Конечно, монгольский поход принес много жертв и разрушений, но такова была тогда каждая военная кампания. Ежегодные усобицы русских князей тоже стоили немалой крови и блага населению не приносили.

Более сложным является вопрос об уплате дани, которая обычно считается наиболее весомым аргументом в пользу «татарского ига». Поход Батыева состоялся в 1237—1238 гг., платить дань Русский Улус начал лишь в 1259 г. Разрыв в два десятилетия заставляет искать других объяснений. Обратимся снова к анализу политической ситуации. После смерти великого хана Угэдея (1241) на ханском троне его сменил Гуюк. К этому времени в самом Монгольском Улусе борьба за власть уже получила достаточное развитие: злейшим врагом Гуюка и был Бату. с воцарением Гуюка у него оставалось мало шансов на победу, ибо его военная сила и материальные средства были крайне ограничены. После ухода других царевичей-чингисидов у Бату осталось лишь 4000 верных монгольских воинов, и это в стране, население которой было более 6 млн. человек. В такой ситуации о наложении «ига» и речи не могло быть: напротив, Бату крайне нуждался в союзниках из числа русских князей, которые могли бы удержать население от бунта и в обмен на военную помощь пополнять казну хана финансами. И Бату нашел союзника в лице Александра Ярославича Невского. Причин тому было несколько.

Во-первых, князь Александр еще с 1242 г. отчетливо понимал опасность западноевропейской агрессии на Русь. Ему, таким образом, союзники тоже были жизненно необходимы. Во-вторых, будучи Мономахичем, князь Александр во внутрирусской политике противостоял черниговским Ольговичам. А ведь именно черниговские князья и были друзьями половцев и врагами монголов. В-третьих, сам князь Александр Ярославич также был врагом Гуюка, поскольку его отец, Ярослав, был отравлен в Каракоруме матерью Гуюка, ханшей Туракиной. (Туракина поступила так, поверив доносу боярина князя Ярослава — Федора Яруновича.) Видимо, учет всех названных обстоятельств и привел Александра Невского к мысли о союзе с Батыем. Александр поехал в Орду, побратался с сыном Бату — несторианином Сартаком — и заключил договор об уплате дани в обмен на военную помощь. Политика Александра не встретила на Руси всеобщей поддержки и понимания, но даже после его смерти

оказалась конструктивной. Так, в 1269 г. орденские войска угрожали Новгороду. При появлении небольшого татарского отряда «немцы замирашася по всей воле новгородской, зело убояхуся и имени татарского». Русь, вернее та ее северо-восточная часть, которая вошла в состав Улуса Монгольского, оказалась спасена от католической экспансии, сохранила и культуру, и этническое своеобразие. Иной была судьба юго-западной Червоной Руси. Попав под власть Литвы, а затем и католической Речи Посполитой, она потеряла все: и культуру, и политическую независимость, и право на уважение.

Дальнейшие исторические события еще более усложнили ситуацию. Поскольку Монолитный Монгольский Улус распался на 3 различные орды (Золотую, Синюю и Белую), каждая из них стремилась первенствовать. Монголы Золотой Орды были немногочисленны и частью придерживались традиционной монгольской веры — варианта митраизма, частью были христианами несторианского толка. Веротерпимость являлась одним из основных стереотипов поведения, принятых в Монгольском Улусе. Считалось, что дело хана — требовать службы, покорности и повиновения, а вопросы совести относились к компетенции личности. Однако купеческое население поволжских городов было в основном мусульманским и стремилось отнюдь не к веротерпимости, а к пропаганде своей веры среди победителей. Ислам, таким образом, тоже начал проникать в монгольскую среду, распространяясь и на ханов. И вот здесь-то и проявилась разница в отношении к населению Русского Улуса. Хань-мусульмане (Берке, Тудан-Менгу), естественно, смотрели на христиан Руси как на податное население — «райю» и проводили более насильственную, эксплуататорскую политику. Хань «монгольской веры» (Багу, Сартак, Менгу-Тимур, Тохта), напротив, соблюдали традиции союза с Русью, ибо активно использовали растущие русские военные силы и в борьбе за власть, и во внешних войнах (Менгу-Тимур — в войнах на Кавказе, а Тохта — в борьбе за власть с темником Ногаем).

Таким образом, до начала XIV в. русско-золотоордынские отношения были крайне неоднозначны и изменялись под влиянием религиозно-политической ориентации золотоордынских ханов и русских князей. Все изменилось в 1312 г., когда новый хан Узбек произвел переворот, провозгласил мусульманскую веру государственной религией и казнил всех царевичей-чингисидов, ценивших свою совесть больше, нежели свою жизнь. С этого момента православная Русь действительно оказалась под игом, но только не «монголо-татарским», а «мусульманско-купеческим», поскольку Узбек опирался на торговое население «сартаульских» городов. Именно с этим игом — религиозным — боролись наши предки до 1480 г.

Однако в начале XIV в. сил для открытой борьбы с Ордой еще не было, и это хорошо понимали московские князья, продолжавшие традицию русско-татарского союза в новых политических условиях. Выплачивая дань — «выход царев», государи московские параллельно положили начало процессу собирания русских земель вокруг Москвы, руководствуясь новыми, заимствованными у монголов и дотоле на Руси не известными принципами устройства власти: веротерпимостью, верностью обязательствам, опорой на служилое сословие. Именно возрождение на Москве монгольских традиций, традиций Чингисхана вело сюда всех тех монгольских и тюркских богатырей, которые не хотели служить Узбеку и его потомкам. Традиции Союза со Степью оказались жизнеспособны и плодотворны, они материализовались в политической практике Московского государства XVI—XVII вв., когда вся бывшая территория Золотой Орды вошла в состав Русского государства. Монголы, буряты, татары, казахи столетиями пополняли ряды русских войск и бок о бок с русскими защищали свое общее Отечество, которое с XV в. стало называться Россией. И потому принятая Д. М. Балашовым в «Государях Московских» концепция русской истории, сколь бы необычной она ни казалась, представляется мне справедливой. «Государи Московские» отражают подлинную, а не мифологическую историю нашей Родины, и потому я осмелюсь рекомендовать эти книги всем,

кому судьба Родины небезразлична.